

УДК 316.344.7

DOI: 10.30628/1994-9529-2024-20.4-185-216

EDN: FNYEFI

Статья получена 21.10.2024, отредактирована 06.12.2024, принята 27.12.2024

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЗОТОВ*

МФТИ, Физтех

141701, Россия, Московская область,
г. Долгопрудный, Институтский переулок, 9

ResearcherID: E-6506-2014

ORCID: 0000-0003-1083-1097

e-mail: om_zotova@mail.ru

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ГУБАНОВ

МФТИ, Физтех

141701, Россия, Московская область,
г. Долгопрудный, Институтский переулок, 9

ResearcherID: LNP-8754-2024

ORCID: 0000-0003-4810-6165

e-mail: aleksandrgubanov1@mail.ru

КИРИЛЛ ЭДУАРДОВИЧ ГАВРИЛЬЧЕНКО

МФТИ, Физтех

141701, Россия, Московская область,
г. Долгопрудный, Институтский переулок, 9

ResearcherID: HZI-2049-2023

ORCID: 0009-0003-4424-2423

e-mail: gavril4e@yandex.ru

Для цитирования

Зотов В.В., Губанов А.В., Гаврильченко К.Э. Неформальные сообщества социальной сети «ВКонтакте» как группы риска цифровой маргинализации // Наука телевидения. 2024. 20 (4). С. 185–216. DOI: 10.30628/1994-9529-2024-20.4-185-216. EDN: FNYEFI

* Автор, ответственный за переписку.

Неформальные сообщества социальной сети «ВКонтакте» как группы риска цифровой маргинализации

Аннотация. Социальные медиа играют существенную роль в обеспечении «включенности в жизнь». Они могут как усугублять, так и смягчать цифровую маргинализацию, когда определенные индивиды оказываются изолированными в неформальных сообществах, несмотря на присутствие в глобальной сети. Участники таких групп попадают в социально-медийный анклав, нахождение в котором формирует чувство отчуждения, характерное для маргинализированной личности. Цель исследования — изучить распространенность неформальных сообществ в социально-медийном пространстве и их роль в цифровой маргинализации. Для достижения цели была проведена социальная диагностика Интернет-ресурсов социальной сети «ВКонтакте» посредством контент-анализа и анализа аудитории пользователей. Исследование показало, что большинство пользователей одновременно состоят в нескольких неформальных сетевых сообществах различной тематики. Однако существует небольшая группа людей, включенная преимущественно в одно асоциальное неформальное сообщество. Доля асоциальных сообществ среди неформальных объединений региона составляет не более четверти, а участники таких сообществ — 5% от общего числа пользователей. Именно члены этих групп наиболее подвержены риску цифровой маргинализации в сетевом пространстве. Факторами, способствующими актуализации данного явления, являются человеческие уязвимости, манипулятивные действия владельцев и модераторов, а также алгоритмы социальных сетей. Одним из первых шагов к решению проблемы маргинализации в социальных сетях могла бы стать разработка алгоритмов, преодолевающих информационное капсулирование.

Ключевые слова: социальные медиа, цифровая маргинализация, социальные сети, неформальные сообщества, асоциальные сообщества, деструктивный контент, социальная сеть «ВКонтакте», алгоритмы социальных сетей, анализ контента

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00716 «Цифровая маргинализация в условиях социотехнической конвергенции»).

UDC 316.344.7

DOI: 10.30628/1994-9529-2024-20.4-185-216

EDN: FNYEFI

Received 21.10.2024, revised 06.12.2024, accepted 27.12.2024

VITALY V. ZOTOV*

MIPT University,
9, Insitutsky pereulok, 141701 Dolgoprudny,
Moscow Oblast, Russia

ResearcherID: E-6506-2014

ORCID: 0000-0003-1083-1097

e-mail: om_zotova@mail.ru

ALEXANDER V. GUBANOV

MIPT University,
9, Insitutsky pereulok, 141701 Dolgoprudny,
Moscow Oblast, Russia

ResearcherID: LNP-8754-2024

ORCID: 0000-0003-4810-6165

e-mail: aleksandrhubanov1@mail.ru

KIRILL E. GAVRILCHENKO

MIPT University,
9, Insitutsky pereulok, 141701 Dolgoprudny, Moscow Oblast, Russia

ResearcherID: HZI-2049-2023

ORCID: 0009-0003-4424-2423

e-mail: gavrill4e@yandex.ru

For citation

Zotov, V.V., Gubanov, A.V., & Gavrilchenko, K.E. (2024). VK's informal communities as groups at risk of digital marginalization. *Nauka Televideniya—The Art and Science of Television*, 19 (4), 185–216. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2024-20.4-185-216>, <https://elibrary.ru/FNYEFI>

* Corresponding author.

VK's informal communities as groups at risk of digital marginalization

Abstract. Social media significantly impacts social inclusion, potentially exacerbating or mitigating digital marginalization. Some individuals, while being connected to the global network, become isolated within specific informal communities. Members of such groups find themselves within a social media enclave fostering in them alienation characteristic of marginalization. This study investigates the prevalence of informal VKontakte communities and their role in digital marginalization. Using content and audience analysis, we found that most users simultaneously belong to multiple informal communities across various topics. However, a small subset (5 % of users) primarily participates in single, asocial communities, representing less than a quarter of all informal groups. These individuals are most vulnerable to digital marginalization. Contributing factors include individual vulnerabilities, manipulative actions by community owners and moderators, and social media algorithms. Developing algorithms that prevent information silos could become a crucial first step toward addressing this issue.

Keywords: social media, digital marginalization, social networks, informal communities, asocial communities, harmful content, VKontakte social network, social media algorithms, content analysis

Acknowledgements: This research was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 24-28-00716, Digital Marginalization in Socio-Technical Convergence).

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время именно медиа обеспечивают «включенность в жизнь» и пробуждают чувство причастности к обществу. Благодаря процессу медиатизации человек начинает проживать в медиапространстве — сложной конфигурации массовых и социальных медиа, участвующих в производстве и потреблении информации в информационно-коммуникационной среде (Зотов и др., 2022, с. 20). Медиатизация оказывает глубокое влияние на все сферы нашей жизни, начиная от способов общения и заканчивая

восприятием мира. При этом она несет в себе как возможности, так и опасности. Поэтому важно критически осмыслить роль медиа в нашем обществе и принять меры для минимизации негативных последствий, одним из которых является цифровая маргинализация. Социальные медиа могут как порождать и усугублять, так и смягчать маргинализацию, поэтому важно проанализировать их функционирование.

Отметим, что процессы цифровой маргинализации населения как в обществе целом, так и в медиапространстве освещены недостаточно полно. Исследования взаимосвязи процесса маргинализации с развитием цифровых технологий в российском академическом сообществе фактически не проводились. В качестве исключения можно указать публикацию Н.А. Костриковой, Ф.Г. Майтакова, А.Я. Яфасова по итогам конференции (Кострикова и др., 2019), а среди зарубежных — выделить работу П. Демо (Demo, 2007). В то же время существуют статьи, где рассматривается влияние социальных сетей на процессы маргинализации социально уязвимых групп или групп риска (Galpin, 2022; Lubbers, 2022; Reyes, 2020).

Среди исследований, которые изучают дифференцирующие и дискриминирующие процессы, вызванные цифровизацией, наиболее близко к проблематике маргинальности находятся штудии по социальному неравенству. Здесь, в первую очередь, следует отметить фундаментальные работы Дж. Ван Дейка (Van Dijk, 2020) и П. Норрис (Norris, 2001), рассматривающие цифровое неравенство (цифровой разрыв) с акцентом на неравный доступ к информационно-телекоммуникационным технологиям и цифровым сервисам. Другие причины и проявления цифрового неравенства можно встретить у зарубежных ученых (Robinson et al., 2015; Ragnedda et al., 2013; Imran, 2023) и отечественных (Вартанова, 2018; Волченко, 2016; Воронина, 2021; Добринская, Мартыненко, 2019; Костина, Чижов, 2021).

За два последних десятилетия научная рефлексия цифрового неравенства сместилась от его анализа как неодинакового доступа к цифровым технологиям и телекоммуникационным сетям (цифровой разрыв) к изучению проблемы цифровых навыков пользователей и их использования цифровых технологий и медиа в повседневной жизни (Acharya, 2017), а затем к неравенству, связанному с разным уровнем цифрового капитала граждан, понимаемого как уровень применения ресурсов информационно-коммуникационной среды в решении проблем своей жизнедеятельности (Вартанова, Gladkova, 2021), цифровой инклюзии (Liotta, 2023) и концептуализации понятия «цифровое неравенство в эпоху алгоритмов» (Мартыненко, Добринская, 2021).

Следует отметить, что, несмотря на схожесть, концепция социального неравенства все же отличается от концепции маргинализации. Если первая

предполагает анализ социальных позиций, возникающих из неравенства доступа, навыков и возможностей, то вторая акцентирует внимание на состоянии перехода к жизни на границах социума, при котором возникает отчуждение. Здесь необходимо внести несколько уточнений. Во-первых, в научной литературе «маргинальность» характеризуют два связанных феномена: 1) нахождение индивида на периферии социума относительно общепринятых стандартов благополучия; 2) переход индивида через границу двух социокультурных сред, при котором он испытывает трудности с адаптацией к новому окружению. Эти феномены можно считать взаимосвязанными, поскольку трудности адаптации могут приводить индивида на периферию социума. Во-вторых, следует различать понятия «маргинальности» и «маргинализации»: первое обозначает состояние нахождения на границе, тогда как второе подразумевает процесс перехода через эту границу.

Цифровизация социально-сетевое пространство обеспечивает *«переход от традиционного феномена массы к феномену социально дифференцированных сетевых сообществ»* (Володенков, 2018, с. 8). Неформальное сообщество — это группа людей с общими интересами, которая формируется независимо от официальных структур, при этом с официальными структурами их модераторы также не аффилированы. Это могут быть молодежные и волонтерские движения, клубы по интересам, группы социальной инициативы и другие неформальные сообщества. В целом таковые представляют собой форму объединения людей без конкретной структуры и регистрации, что является полной противоположностью институционализированным организациям. Неформальные сообщества не имеют формализованных правил и не обладают устойчивыми связями, будучи объединены лишь общностью интересов. Подобные коллективы стоит рассматривать как социокультурные гомогенные среды, где участники одинаково воспринимают условия своей жизни, активно взаимодействуют друг с другом, а их поведение во многом определяется кругом общения внутри данного сообщества. Можно сказать, что членов сообщества объединяет сходство образа мыслей, порожденное гомогенностью его членов.

Неформальные сообщества часто возникают как реакция на существующие ограничения и правила, предоставляя пользователям свободу самовыражения и возможность общения вне формальных рамок. Такие сообщества могут быть **просоциальными**, когда их акторы объединены стремлением к улучшению условий своей жизни и общества в целом, **асоциальными**, где члены объединены возможностью несоблюдения общепринятых норм поведения, а также **нейтральными**, участники которых ориентированы на иные сферы — игру, развлечения, учебу, повседневность. Отметим, что

практикуемый в асоциальных сетевых группах образ жизни характеризуется нарастающим отчуждением человека от общественных целей, сужением социальных интересов, возрастающей криминализацией и социально-нравственной деградацией личности. В итоге асоциальные неформальные сообщества могут радикализироваться — от неодобряемых и порицаемых социальных практик до уровня деструктивных (или делинквентных). На такую возможность еще в начале века указал К. Р. Санстейн, который привел множество примеров, показывающих, что когда единомышленники собираются в группы, они, как правило, становятся более радикальными в своих взглядах, чем раньше (Sunstein, 2009). При этом степень радикализации можно отследить на основе контент-анализа враждебности языка по соответствующим лингвистическим маркерам. Для этого обычно используется шкала, различающая: 1) выражения (чаще саркастические), которые «троллят» людей соответствующей группы в качестве неполноценных и вредных для общества; 2) высказывания, носящие устрашающий/угрожающий характер с явным желанием задеть чувства определенных категорий людей; 3) выражение агрессии и призывы к насилию, направленному на определенную социальную группу или отдельного человека как ее представителя (Sharma et al., 2018, p. 107).

Согласно В.И. Красиковой и В.И. Кудашову, *«легко доступный онлайн-контент социальных сетей предоставляет людям, уязвленным собственными проблемами и окружающими обстоятельствами, альтернативные мировоззрения и активный поддерживающий контекст. Потому они и будут стремиться к присоединению к такой социальной среде, где практически нет порога для включения в сообщество, кроме как принятие новых взглядов»* (Красикова, Кудашов, 2023, с. 2212). Если подобные сообщества формируются не ситуативно, а имеют определенное ядро участников, обеспечивающих смысловую и хронологическую устойчивость всего объединения, то можно говорить о заключении членов таких групп в информационные капсулы (или эхо-камеры). Под таковыми понимаются информационно-коммуникационные структуры, в границах которых идеи, смыслы, символы, мнения и убеждения не меняются за счет обращения к альтернативным объяснительным моделям и критической оценки информации, а, напротив, поддерживаются, сохраняются, а также усиливаются посредством регулярного повторения, обсуждения и одобрения в среде единомышленников (Володенков, Артамонова, 2020). Практическим проявлением подобных капсул могут стать социально-сетевые сообщества, а особенно неформальные сообщества, сформированные вокруг конкретной проблематики/тематики.

Большинство пользователей социальных сетей одновременно состоят в нескольких сетевых сообществах, как связанных общей смысловой линией, так и не имеющих общих черт. Однако остается небольшое меньшинство, вступающее в одно или максимум пару-тройку неформальных сообществ асоциального типа, что ограничивает круг их общения. Представители данных групп могут стать маргиналами, поскольку образуют анклав внутри социально-медийного пространства. А как маргиналы они характеризуются переходом на социальные позиции, исключающими их участие в общественной и культурной жизни социума. Это способствует росту чувств отчуждения, одиночества, незначительности и безнадежности, характерных для маргинализованной личности. Маргинал по прошествии времени фактически оказывается внутри социально-медийного пространства, не будучи полноценным его членом, а в случае усиления маргинализирующих факторов он помещается на границы социума. Это позволяет отнести неформальные сообщества асоциального типа к группам риска, которые уязвимы или могут понести ущерб от последствий цифровизации сетевого пространства общества.

Сегодня медиаресурс «ВКонтакте», равно как и другие социальные медиа, перешел на персонализированные алгоритмические новостные ленты, заменив традиционные хронологические. В этом случае на основе различных критериев, таких как тип контента, интерес пользователя к теме и история взаимодействия с подписчиками, соцсети самостоятельно определяют, какой контент активно продвигать, а какой «пессимизировать» и исключать из выдачи. Поэтому любые предубеждения, существующие у разработчиков алгоритмов, проникают в организацию работы социальных медиа и, что еще хуже, они усиливаются из-за сложности таких социотехнических систем как Интернет (Ntoutsis et al., 2020). В том случае, если страница тематического сообщества прямо не нарушает правила соцсети, не имеет «страйков» (не было наказано администрацией соцсети) и имеет активное ядро пользователей, публикуемый на ней контент будет предлагаться в новостной ленте даже тем пользователям, которые не были на него подписаны.

Цель данного исследования — изучить распространенность неформальных сообществ в социально-медийном пространстве и их роль в цифровой маргинализации. Последняя относится к ситуации, когда некоторые группы или люди оказываются замкнутыми в определенные сетевые сообщества, несмотря на их погруженность в глобальное сетевое пространство. Для достижения поставленной цели предлагается решение следующих **задач**: 1) оценка общего количества асоциальных неформальных сообществ,

2) получение информации о публикационной их активности и востребованности контента, 3) определение доли их аудитории в контексте всех неформальных сетевых сообществ и социальной сети «ВКонтакте» в целом; 4) установление факторов, способствующих цифровой маргинализации членов асоциальных неформальных сообществ в социально-медийном пространстве.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методом исследования стал формально-логический анализ, который позволил связать понимание цифровой маргинализации с процессом формирования асоциальных группировок в социально-медийной среде. Данный метод был применен при концептуализации понятия «цифровая маргинализация в социально-медийном пространстве» и при установлении факторов, способствующих маргинализации членов асоциальных неформальных сообществ. Для решения других исследовательских задач была проведена социальная диагностика Интернет-ресурсов в социальной сети «ВКонтакте» с последующим контент-анализом и разбором аудитории пользователей. Выбор именно данного социального медиа определяется следующей совокупностью факторов:

— высокий уровень проникновения ресурса среди населения регионов России (аудитория социальной сети «ВКонтакте» в 2024 году — 90 млн пользователей в месяц, что составляет 74,3% численности населения, и это один из 5 наиболее востребованных среди россиян сайтов)¹;

— наличие функционала, который обеспечивает возможность результативного поиска веб-страниц и медиаконтента;

— возможность хронологически отслеживать изменение ситуации, т. е. выбирать не только популярные сообщества, но и пользовательские группы, активность в настоящий момент не проявляющие;

— мультиформатность поддерживаемого контента.

¹ Mediascope. (б.д.). *Данные по аудитории СМИ (Интернет. Регион: Россия 0+; Год/Месяц: Сентябрь 2024 г.; Целевая аудитория: люди старше 12+)*. [https://mediascope.net/data/\(05.10.2024\)](https://mediascope.net/data/(05.10.2024)).

Mediascope. (n.d.). *Dannye po auditorii SMI (Internet. Region: Rossiya 0+; God/Mesyats: Sentyabr' 2024 g.; Tselevaya auditoriya: lyudi starshe 12+)* [Media audience data (Internet. Region: Russia 0+; Year/Month: September 2024; Target audience: People over 12+)]. Retrieved October 5, 2024, from <https://mediascope.net/data/>

Отдельно обратим внимание на вопрос целесообразности проведения социальной диагностики в мессенджерах, в частности, в Telegram. К сожалению, поиск страниц, удовлетворяющих поставленным исследовательским задачам, в рамках данного социального медиа значительно ограничен из-за особенностей работы настроек приватности. Отдельные типы страниц могут быть полностью скрыты для всех, за исключением участников, добавленных по персональным приглашениям.

Диагностическое исследование проводилось в информационном пространстве пяти субъектов Российской Федерации, отобранных на основе данных об использовании информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей в домашних хозяйствах, а также социально-экономическом положении региона и численности населения (см. таблицу 1). При этом по первому показателю для сглаживания влияния фактора использования информационно-телекоммуникационных технологий мы старались отобрать регионы Российской Федерации, находящиеся во втором и третьем квартиле рейтинга, а по двум остальным показателям регионы находились во всех квартилях соответствующих рейтингов.

Таблица 1 / Table 1

**Показатели уровня информатизации, социально-экономического
и социально-демографического положения исследуемых субъектов РФ**
*Informization, Socio-Economic and Socio-Demographic Conditions
of the Studied Regions of the Russian Federation*

	Использование информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей в домашних хозяйствах <i>Use of IT and Telecommunications in Households²</i>	Социально-экономическое положение региона <i>Socio-Economic Status of the Region³</i>		Демографические показатели <i>Demographic Profile⁴</i>		
	Доля домохозяйств, имеющих доступ в сеть Интернет <i>Percentage of Households with Internet Access</i>	Рейтинг <i>Rating*</i>	Итоговое значение рейтингового балла ⁵ <i>Overall Rating Score</i>	Рейтинг <i>Rating*</i>	Количество жителей <i>Population</i>	Рейтинг <i>Rating*</i>
Свердловская область <i>Sverdlovsk Oblast</i>	86 %	47	68,506	7	4 230 928	5

² Федеральная служба государственной статистики. (2022, 2 января). *Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей*. <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (05.10.2024).

Federal State Statistics Service. (2022, January 2). *Vyborochnoe federal'noe statisticheskoe nablyudenie po voprosam ispol'zovaniya naseleniem informatsionnykh tekhnologii i informatsionno-telekommunikatsionnykh setey* [Selective federal statistical survey on the use of information technology and information and telecommunication networks by the population]. Retrieved October 5, 2024, from <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity>

³ РИА Новости. (2023, 15 мая). Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 года. https://ria.ru/20230515/polozhenie_regiony-1870956129.html (05.10.2024).
RIA Novosti. (2023, May 15). *Reyting sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya regionov po itogam 2022 goda* [Year-end socio-economical rating of regions in 2022]. Retrieved October 5, 2024, from https://ria.ru/20230515/polozhenie_regiony-1870956129.html

⁴ Федеральная служба государственной статистики. (2024, 5 июля). *Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту*. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (05.10.2024).

Federal State Statistics Service. (2024, July 5). *Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po polu i vozrastu* [Population of the Russian Federation by gender and age]. Retrieved October 5, 2024, from <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

⁵ РИА Новости. (2023, 15 мая). Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 года. https://ria.ru/20230515/polozhenie_regiony-1870956129.html (05.10.2024).
RIA Novosti. (2023, May 15). *Reyting sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya regionov po itogam 2022 goda* [Year-end socio-economical rating of regions in 2022]. Retrieved October 5, 2024, from https://ria.ru/20230515/polozhenie_regiony-1870956129.html

	Использование информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей в домашних хозяйствах <i>Use of IT and Telecommunications in Households²</i>		Социально-экономическое положение региона <i>Socio-Economic Status of the Region³</i>		Демографические показатели <i>Demographic Profile⁴</i>	
	Доля домохозяйств, имеющих доступ в сеть Интернет <i>Percentage of Households with Internet Access</i>	Рейтинг <i>Rating*</i>	Итоговое значение рейтингового балла ⁵ <i>Overall Rating Score</i>	Рейтинг <i>Rating*</i>	Количество жителей <i>Population</i>	Рейтинг <i>Rating*</i>
Воронежская область <i>Voronezh Oblast</i>	89 %	28	57,373	20	2 279 349	21
Волгоградская область <i>Volgograd Oblast</i>	91 %	20	47,559	29	2 461 978	18
Томская область <i>Tomsk Oblast</i>	85 %	52	38,595	50	1 047 746	48
Псковская область <i>Pskov Oblast</i>	86 %	49	27,098	74	584 467	67
Курская область <i>Kursk Oblast**</i>	85 %	53	44,796	35	1 063 963	47

Примечания:

* Рейтинг дан относительно всех субъектов РФ.

** Субъект РФ, выбранный в качестве контрольного региона.

Notes:

* Rating is relative to all regions of the Russian Federation.

** Region selected as the control group.

В качестве контрольного региона была выбрана Курская область, для которой есть возможность проанализировать деятельность неформальных сообществ, основываясь не только на данных поисковых систем «ВКонтакте», но и на собственном опыте работы в социально-сетевом пространстве в качестве специалиста SMM.

Отбор неформальных сообществ проводился по следующему алгоритму действий. На первом этапе осуществлялся поисковый запрос, состоящий из упоминания региона и отдельно регионального центра, который

выдавал перечень сообществ в размере 5–7 тыс. групп, из которого исключались сообщества с меткой «госорганизация» или аффилированные с государственными/муниципальными структурами. Медиаконтент оставшихся Интернет-ресурсов проверялся с помощью поискового запроса на употребление «неформальной терминологии», что позволяло выявить сетевые сообщества, в которых реализация конкретного общего интереса строилась на основе взаиморасположения и личностных симпатий. Данные сообщества далее просматривались вручную. Учитывались все неформальные тематические сообщества с общим количеством подписчиков более 100, в т. ч. и закрытые сообщества. Но следует признать, что провести полноценный контент-анализ на подобных страницах не представляется возможным. В исследовании не учитывались экстерриториальные сетевые сообщества, участники которого могут находиться в разных уголках мира, но общаться и сотрудничать благодаря современным информационно-телекоммуникационным технологиям. Мы исходили из того, что консолидирующий потенциал таких сообществ ниже, чем у сообществ, объединяющих граждан в пределах одного региона. А учитывая цель исследования, связанную с пониманием роли неформальных сетевых сообществ в процессах маргинализации, в пространство анализа были включены только просоциальные и асоциальные сообщества.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В рамках исследования в социально-медийном пространстве было выявлено 156 неформальных сообществ, среди которых почти четверть (37) были идентифицированы как сообщества с асоциальной ориентацией. Подробное распределение представлено на рисунке 1.

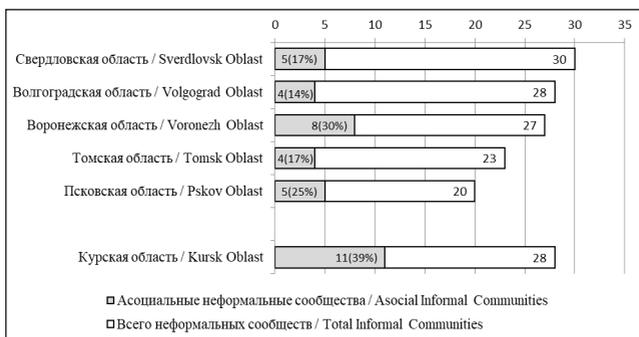

Рис. 1. Распределение общего количества неформальных сообществ в сопоставлении с количеством асоциальных по исследуемым регионам.

Fig. 1. Total Number of Informal Communities vs. Asocial Communities in the Studied Regions.

Наибольшее число сетевых сообществ с признаками неформальных объединений было зафиксировано в Свердловской области (30), наименьшее — в Псковской (20). Примечательно, что разница в количестве выявленных страниц в медианных по численности населения Волгоградской, Воронежской и Томской областях минимальна (не более 5): это указывает на схожесть ситуации в данных регионах. В более общем контексте данный факт может свидетельствовать о зависимости количества сетевых сообществ от численности населения. Тем более, что в контрольном регионе (Курская область, которая также является медианной по численности населения) в рамках анализа социальных сетей было выявлено 28 неформальных сообществ.

Лидирующую позицию по числу асоциальных объединений в социально-медийном пространстве заняла Воронежская область (8). Примечательно, что все остальные исследованные регионы демонстрируют почти сопоставимое число таких объединений. В ходе контрольного обследования Курской области было обнаружено 11 неформальных объединений асоциальной направленности. В четырех случаях идентификация данных групп была осуществлена посредством анализа косвенных признаков, таких как высказывания участников этих сообществ на иных публичных Интернет-платформах.

Отметим, что сложность выявления асоциальных неформальных сообществ связана с тем, что они не публикуют деструктивный контент открыто и прямолинейно. Подобный подход помогает избежать санкций со стороны администрации соцсетей за распространяемый контент, имеющий

разрушительное и пагубное влияние на человека. Тиражируемые материалы оформлены в соответствии со всеми стандартами продвижения в социальных сетях: яркие и цепляющие медиафайлы (фото или видео, аудиозаписи); небольшая текстовая подводка; затрагиваются острые социальные проблемы; используемые материалы имеют провокационный характер. Цель таких публикаций — не оставить пользователя равнодушным, задеть вопросы и проблемы, которые он разделяет и считает актуальными. В конечном итоге глубокий смысл контента — романтизация неформального образа жизни, желание показать сообщество в качестве круга единомышленников, объединения близких по духу друзей. Соответственно, заинтересовавшись яркой картинкой или вызывающим резонанс текстом, пользователь, с наибольшей долей вероятности, перейдет из новостной ленты в само сообщество и подробнее изучит его содержание.

В рамках контент-анализа было проведено изучение материалов, размещаемых администрацией открытых неформальных сообществ асоциального типа. Ресурсы, не имеющие централизованного управления и позволяющие размещать публикации любому случайному пользователю, не оценивались из-за высокой активности спама и отсутствия тематичности. Также не рассматривались закрытые страницы из-за отсутствия к ним доступа. Самыми деликветными неформальными сообществами оказались околोकриминальные (АУЕ, скинхеды — оба признаны экстремистскими, деятельность на территории Российской Федерации запрещена) и контркультурные (ЧВК «Редан» — потенциально может быть объявлено в России экстремистским) течения.

Для большей объективности мы также сравнили доли асоциальных сообществ в разных регионах. Результаты распределились по областям следующим образом: Воронежская — 30 %, Псковская — 25 %, Томская — 17 %, Свердловская — 16 %, Волгоградская — 14 %. Представленные данные свидетельствуют о том, что на распространение асоциальных неформальных движений большое влияние может оказывать географический фактор, в то время как социально-экономические и демографические показатели могут иметь вторичное значение.

В Курской области данный показатель составляет 39 %, что существенно превышает даже достаточно высокий показатель Воронежской области. Таким образом, можно констатировать факт существования латентных асоциальных неформальных сообществ, которые невозможно выявить без знания региональной специфики социально-сетевое пространство.

Отметим, что из 37 выявленных неформальных сообществ асоциальной направленности в настоящее время 27 не администрируются

и не наполняются тематическим контентом, т. е. относятся к так называемым «спящим» или «мертвым». Многие из них связаны с молодежными субкультурами и возникли более 10 лет назад, что позволяет предположить, что основная часть данного сообщества сформировалась вокруг тематик, предложенных в свое время неформальными субкультурными объединениями. Даже несмотря на отсутствие активности администраторов, на страницах таких сообществ периодически появляются публикации от сторонних пользователей, в т. ч. по основной идейно-тематической линии.

За исключением «мертвых» сообществ, в ходе диагностического исследования также были выявлены 3 закрытых, контент которых могут просматривать только пользователи, направившие заявки на вступление и прошедшие последующую модерацию (отбор) со стороны администрации группы. Существование подобных групп логично с точки зрения самой сути деструктивных течений. Более того, на практике подобные ресурсы являются гораздо более сплоченными и активными, чем те, которые имеют открытый статус. При этом закрытые объединения гораздо сложнее отслеживать представителям надзорных и правоохранительных структур, поскольку для изучения контента придется пройти проверку со стороны модераторов.

Общее количество пользователей, подписанных на все выявленные асоциальные неформальные сообщества, составило 23,8 тыс. человек. Из этого числа 15,3 тыс. пользователей являются участниками активных и закрытых сообществ. Отметим, что такой большой разрыв аудитории между действующими и «мертвыми» сообществами, несмотря на значительную разницу непосредственно в количестве самих сообществ, является обычной тенденцией для большинства социальных сетей. Аудитория может не только подписываться на определенные ресурсы, но и от них отписываться. Если страница не имеет регулярного администрирования или прекращается ее наполнение контентом, число подписчиков начинает сокращаться. Именно по этой причине на 27 «мертвых» сообществ приходится в среднем по 313 подписчиков, в то время как на 10 активных — более 1 534.

Исследование показывает, что эффективно действующие неформальные сообщества асоциального типа отличаются зрелищностью и смелостью контента радикальной направленности. Многие пользователи устают от привычного наполнения новостной ленты и стремятся найти нечто уникальное, необычное и редкое: яркие кадры, нестандартные истории, оригинальные мнения. Об этом свидетельствуют исследования таких авторов, как С. Сорока, П. Фурнье и Л. Нир. Они отмечают, что на фоне обычных новостей контент неформальных движений заметно выделяется благодаря острой социальной

провокации, на которую люди живо реагируют, особенно если речь идет о негативных событиях (Soroka, 2019). Даже если пользователь радикальные идеи не поддерживает, заинтересоваться другим содержимым сообщества все равно может.

Для асоциальных неформальных сообществ, проявляющих активность в публикации контента, была определена востребованность публикуемого контента через показатель вовлеченности (ER). Он измеряется в процентах от числа просмотров и учитывает такие маркеры: лайки, репосты, комментарии и просмотры. Средний показатель ER всех проанализированных групп — 1,5%. В SMM подобный уровень считается приемлемым для большинства сообществ, однако тематические ресурсы, как правило, имеют вовлеченность более 3,5%⁶. Отметим, что из отобранной подборки Интернет-ресурсов асоциального характера наибольшим показателем стал ER, равный 10,2%. На наш взгляд, в целом более низкий ER для асоциальных неформальных сообществ обусловлен тем, что его члены опасаются проявлять реакции на публикуемый контент из-за возможных административных или уголовных преследований.

Наибольшая аудитория асоциальных неформальных сообществ была зафиксирована в Волгоградской области, а также Воронежской и Свердловской. Подробное распределение аудитории по регионам представлено на рисунке 2.

⁶ Обучающая платформа VK Бизнес. (2024, 16 сентября). *Коэффициент вовлеченности аудитории (ER) — что это такое, как рассчитать*. <https://expert.vk.com/articles/koeffitsient-vovlechyonnosti-auditorii-er-chto-eto-takoe-kak-rasschitat/> (05.11.2024).

VK Business Training Platform. (2024, September 16). *Koeffitsient vovlechnosti auditorii (ER)—Chto eto takoe, kak rasschitat'* [Audience engagement rate (ER)—What is it, how to calculate it]. Retrieved November 5, 2024, from <https://expert.vk.com/articles/koeffitsient-vovlechyonnosti-auditorii-er-chto-eto-takoe-kak-rasschitat/>

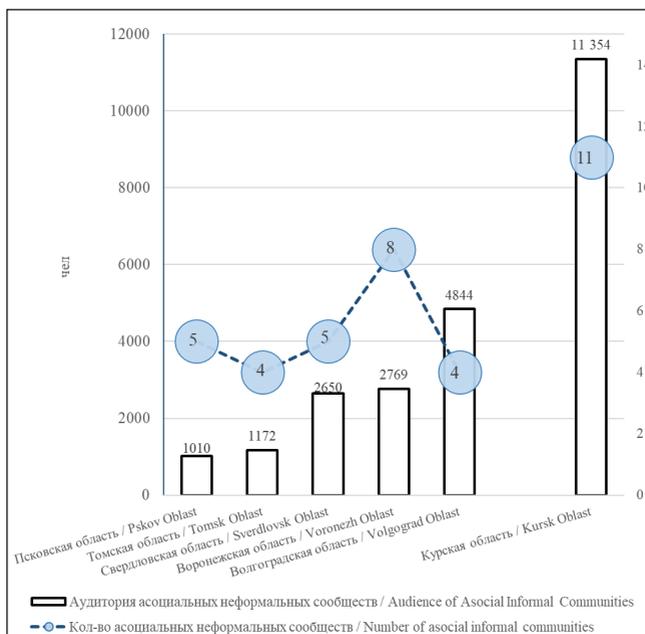

Рис. 2 Распределение аудитории асоциальных неформальных сообществ по исследуемым регионам.

Fig. 2. *Asocial Informal Community Audience Distribution in the Studied Regions.*

Проведенный анализ аудитории свидетельствует о том, что просоциальные неформальные сообщества демонстрируют значительное превосходство над асоциальными сообществами как в отношении общего показателя численности аудитории (457,8 тыс. против 23,8 тыс.), так и среднего числа подписчиков (2 934 против 643). Подробное распределение по регионам и соотношение количества подписчиков для неформальных сообществ в сопоставлении с аудиторией асоциальных неформальных сообществ дано на рисунке 3.

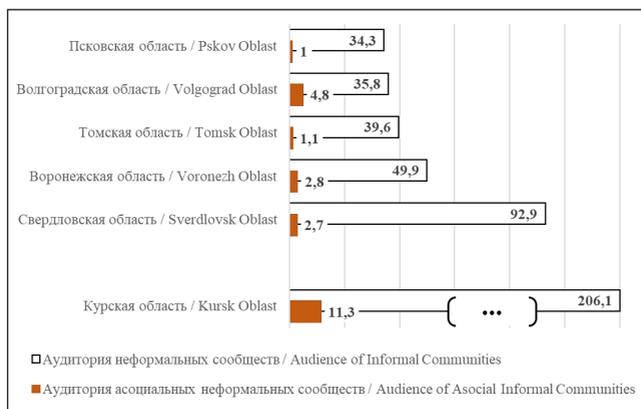

Рис. 3. Распределение аудитории неформальных сообществ в сопоставлении с аудиторией асоциальных неформальных сообществ по исследуемым регионам.

Fig. 3. Informal vs. Asocial Informal Community Audience Distribution in the Studied Regions.

Отметим, что на графике представлена численность аудитории всех выявленных в ходе диагностического исследования сообществ без учета повторения подписчиков, т. е. один пользователь может быть одновременно членом нескольких неформальных сообществ. Реальное число уникальных пользователей меньше заявленных номинальных значений.

Для изучения маргинализирующего влияния асоциальных неформальных сообществ целесообразно также сопоставить номинальную аудиторию выявленных страниц с общим количеством пользователей социальной сети «ВКонтакте» каждого отдельного исследуемого субъекта. Повторно отметим, что сравнение будет иметь наглядное, но условное значение, поскольку один конкретный пользователь может быть подписан одновременно на несколько сообществ. Анализ по состоянию на август-сентябрь 2024 года показал, что выявляемая доля лиц, которые состоят в неформальных сообществах асоциального типа в каждом из регионов, составляет не более 0,5 % от аудитории социальной сети «ВКонтакте» (на основе данных из рекламного кабинета «ВКонтакте»). Лидирующие позиции занимает Волгоградская область — 0,44 % и Псковская область — 0,39 %. Фактически в 2 раза меньше оказалось соотношение в Воронежской области — 0,22 % и Томской — 0,2 %. Наименьшая доля членов неформальных сообществ в общей численности сетевой аудиторию Свердловской области — 0,11 %. В выбранном для контроля субъекте

РФ (Курская область) доля тех, кто состоит в асоциальных неформальных сообществах, в общей доле пользователей социальной сети «ВКонтакте» составила 1,69 % пользователей.

ОБСУЖДЕНИЕ

Таким образом, проведенная социальная диагностика Интернет-ресурсов в социальной сети «ВКонтакте» с последующим контент-анализом и изучением аудитории пользователей позволяет утверждать о наличии в социально-медийном пространстве асоциальных неформальных сообществ. Вступление в такие сообщества, как правило, связано с человеческими уязвимостями в социальной своей жизни (Красикова, Кудашов, 2023, с. 2212). Эти уязвимости можно разделить на две категории: личные (тревога, депрессия, снижение удовлетворенности жизнью) и внешние (переживаемые индивидом несправедливость, дискриминация, социально-экономические кризисы и вызываемые ими потери статусных позиций, работы, карьерных и жизненных перспектив). Важно помнить, что эти категории могут пересекаться и взаимодействовать между собой (Trip et al., 2019). В таком состоянии индивид склонен слышать мнение другого, если оно согласуется с его позицией. Наличие уязвимостей у членов неформальных сообществ и их склонность к нарушению общепринятых норм дают владельцам и модераторам возможность «запустить» процесс маргинализации через дезинформацию и манипуляцию. Это может привести к проблемам с социальной адаптацией и взаимодействием в реальной жизни, а также спровоцировать проявление деструктивного поведения.

Участники таких групп подвергаются маргинализации через формирование самодостаточных анклавов в виртуальном социальном пространстве. В результате возникает риск изоляции людей в онлайн-сообществах, поскольку они оказываются в информационных капсулах, где циркулируют исключительно поддерживающие и усиливающие собственные взгляды мнения, а альтернативные точки зрения блокируются. Это порождает процесс радикализации сетевых сообществ (Кашпур и др., 2021).

В настоящее время центральную роль в борьбе с преступлениями экстремистского характера в сети Интернет играют оперативные подразделения по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД), а также оперативные подразделения уголовного

розыска, обладающие соответствующими полномочиями для выполнения этих задач (Репин, 2024). Однако они пресекают деятельность уже радикализировавшихся сетевых сообществ.

Администрации социальных сетей, сталкиваясь с давлением как со стороны критиков, так и исследователей в сфере Интернет-коммуникаций, вынуждены принимать меры по ограничению создания и распространения экстремистских «эхо-камер». В большинстве случаев админы могут влиять на текущее положение дел в этой сфере, опираясь на самих пользователей, независимо от того, являются ли таковые членами объединения. В случае наличия подтвержденных фактов нарушения действующего законодательства, а также правил использования социальной сети, любой пользователь может направить жалобу в соответствии с установленным порядком⁷. Но претензий только от одного участника для принятия действенных мер достаточно не будет. В том случае, если обращений наберется несколько, на сообщество накладываются ограничения — «страйки», которые могут привести к исключению публикаций из новостных лент пользователей, введению специальной ограничительной маркировки, а также к последующей блокировке⁸. Далее — регулярное удаление и аккаунтов агрессивных пользователей, и контента, который может способствовать разжиганию ненависти или насилия. Тем не менее мультиплатформенный характер Интернета гарантирует их выживание и продолжение существования.

Одним из наиболее существенных факторов поддержания и радикализации асоциальных неформальных сообществ являются, на наш взгляд, алгоритмы социальных сетей, поскольку они играют ключевую роль в доступе граждан к информации и ее производству (Красикова, Кудашов, 2023; Flensburg, Lomborg, 2023; Owsley, Greenwood, 2024), представляя собой адаптивные системы, которые развиваются совместно с пользователями сетевого сообщества. Алгоритмы не понимают содержания, смысла сообщений, т. е. не способны к их интерпретации. Их механизмы фильтрации основаны на данных каждого участника и направлены на предоставление медиаконтента таким образом, чтобы максимизировать его время нахождения

⁷ ВК Помощь. (б.д.). *Как пожаловаться на сообщество?* <https://vk.com/faq18397> (05.10.2024).

VK Support. (n.d.). *Kak pozhalovat'sya na soobshchestvo?* [How to complain about a community?]. Retrieved October 5, 2024, from <https://vk.com/faq18397>

⁸ Postium.ru. (2024, 25 марта). *Страйки в «ВКонтакте»: что такое, как проверить, за что можно получить.* <https://postium.ru/strajki-vkontakte/?ysclid=m0prhnz7it729038922> (05.10.2024).

Postium.ru. (2024, March 25). *Strayki v "Vkontakte": Chto takoe, kak proverit', za chto mozhno poluchit'* [Strikes in VKontakte: What are they, how to check, what can you get them for]. Retrieved October 5, 2024, from <https://postium.ru/strajki-vkontakte/?ysclid=m0prhnz7it729038922>

на Интернет-ресурсе. Из огромной массы пользователей они позволяют выбрать узкую целевую аудиторию, которая может состоять всего из нескольких сотен человек. И, несмотря на отсутствие ориентации деятельности большинства неформальных объединений на обретение массовой популярности, высокий уровень вовлеченности подписчиков может создать условия для усиления процесса маргинализации непосредственно за счет самих алгоритмов социальных сетей. Поэтому следует согласиться с мнением Санстайна, что Интернет-пространству нужна «социальная архитектура», которая позволяет людям «сталкиваться с теми, кто не похож на них самих» (Sunstein, 2009, p. 85).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования в научный оборот было введено понятие «цифровая маргинализация в социально-медийном пространстве», которое раскрывается как процесс формирования неформальных сетевых сообществ асоциальной направленности, принадлежность к которым, благодаря информационному капсулированию в социально-медийном пространстве, затрудняет социальную адаптацию и препятствует вовлечению в общественную жизнь.

Большинство пользователей социальных сетей одновременно участвуют в нескольких сетевых сообществах. Тем не менее существует небольшая категория пользователей, которая предпочитает вступать только в одно или, максимум, пару-тройку асоциальных неформальных сообществ, что круг общения ограничивает. Исследования показывают, что доля асоциальных сообществ среди общего количества неформальных сообществ составляет не более четверти, а их численность среди совокупности лиц, состоящих в неформальных сообществах, — около 5%. Однако именно представители этих групп могут быть отнесены к группе риска цифровой маргинализации в социально-медийном пространстве. Среди факторов, способствующих такого рода цифровой маргинализации членов неформальных сетевых сообществ асоциального типа, — человеческие уязвимости, манипулятивные действия владельцев и модераторов, а также алгоритмы, оптимизирующие работу социальных сетей.

На наш взгляд, проблема противодействия рассмотренному явлению носит комплексный характер, что требует в ее решении организации тесного взаимодействия между администрацией социальных сетей, государственным

регулятором и общественностью. Первым шагом на этом пути могло бы стать преодоление рамок традиционных алгоритмов, ориентированных на прогнозирование на основе цифровых следов, путем внедрения в их разработку этических принципов. Социальным медиа предстоит решить задачу информационного капсулирования неформальных сетевых сообществ за счет перенастройки механизмов продвижения контента в пользовательских лентах новостей.

Рассматривая недостаточно изученный, но все более масштабируемый феномен цифровой маргинализации, представленная статья вносит вклад в дискуссию о будущем социально-медийного пространства и его роли в жизни современного цифрового общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володенков, С.В. (2018). Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций. *Журнал политических исследований*, 2 (3), 1–8. <https://www.elibrary.ru/yljpx>
2. Володенков, С.В. & Артамонова, Ю.Д. (2020). Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (53), 188–196. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>, <https://www.elibrary.ru/dilhmg>
3. Вартанова, Е.Л. (2018). Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы. *Меди@льманах*, (5), 8–12. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.5.2018.812>, <https://www.elibrary.ru/yrndil>
4. Вартанова, Е.Л. & Гладкова, А.А. (2021). Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, (1), 3–29. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.329>, <https://elibrary.ru/lekeml>
5. Волченко, О.В. (2016). Динамика цифрового неравенства в России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (5), 163–182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10>, <https://elibrary.ru/yfosrv>
6. Воронина, Н.С. (2021). Цифровое неравенство интернет-пользователей в России и Европе: гендерный аспект. *Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН*, (4), 28–51. <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.4.3>, <https://elibrary.ru/vpdvbw>

7. Добринская, Д.Е. & Мартыненко, Т.С. (2019). Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва. *Вестник Российской государственной академии дружбы народов. Серия: Социология*, 19 (1), 108–120. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120>, <https://elibrary.ru/vuhagn>
8. Зотов, В.В., Васильева, И.Н. & Кривоухов, А.А. (2022). Социально-сетевое взаимодействие в сети Интернет: к определению феномена медиа. *Коммунология*, 10 (4), 13–22. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-4-13-22>, <https://elibrary.ru/igjglm>
9. Кашпур, В.В., Барышев, А.А. & Чудинов, С.И. (2021). Репрезентация радикальных сообществ в российских социальных медиа: специфика контента и индекс активности. *Вестник Томского государственного университета*, (467), 133–143. <https://doi.org/10.17223/15617793/467/17>, <https://elibrary.ru/glsylm>
10. Костина, Н.Б. & Чижов, А.А. (2021). Значение классических и современных социологических концепций для анализа факторов цифрового неравенства. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, (2), 260–269. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-260-269>, <https://elibrary.ru/bdusnz>
11. Кострикова, Н.А., Майтаков, Ф.Г. & Яфасов, А.Я. (2019). Риски маргинализации общества при переходе к цифровой экономике. *Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами*: Материалы Восьмой международной научно-практической конференции. Ответственный за выпуск Н.Г. Ключкова. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный технический университет, 190–194. <https://elibrary.ru/dgokpb>
12. Красиков, В.И. & Кудашов, В.И. (2023). Как алгоритмы социальных сетей и социально-психологические уязвимости формируют участников радикальных онлайн-сообществ. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*, 16 (12), 2208–2215. <https://elibrary.ru/gyevew>
13. Мартыненко, Т.С. & Добринская, Д.Е. (2021). Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (1), 171–192. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807>, <https://elibrary.ru/zmnkky>
14. Репин, И.С. (2024). Вопросы противодействия экстремистским проявлениям в сети Интернет. *Журнал правовых и экономических исследований*, (2), 133–139. <https://doi.org/10.26163/GIEF.2024.57.81.018>, <https://elibrary.ru/iwfnxe>
15. Acharya, B. (2017). Conceptual evolution of the digital divide: A systematic review of the literature over a period of five years (2010–2015). *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (7), 41–74. <https://elibrary.ru/yrndod>
16. Demo, P. (2007). Marginalização Digital: Digital Divide. *Senac Journal of Education and Work*, 33 (2), 5–19.

17. Flensburg, S. & Lomborg, S. (2023). Datafication research: mapping the field for a future agenda. *New Media & Society*, 25 (6), 1451–1469. <https://doi.org/10.1177/14614448211046616>
18. Galpin, C. (2022). At the Digital Margins? A Theoretical Examination of Social Media Engagement Using Intersectional Feminism. *Politics and Governance*, 10 (1), 161–171. <https://doi.org/10.17645/pag.v10i1.4801>
19. Imran, A. (2023). Why addressing digital inequality should be a priority. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, 89 (3), e12255. <https://doi.org/10.1002/isd2.12255>
20. Liotta, L.A. (2023). Digitalization and Social Inclusion: Bridging the Digital Divide in Underprivileged Communities. *Global International Journal of Innovative Research*, 1 (1), 7–14. <https://doi.org/10.59613/global.v1i1.2>
21. Lubbers, M. (2022). Social networks and the resilience of marginalized communities. In E. Lazega, T. Snijders, & R. Wittek (Eds.), *A Research Agenda for Social Networks and Social Resilience*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 1–16. <https://doi.org/10.4337/9781803925783>
22. Norris, P. (2001). *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
23. Ntoutsis, E., Fafalios, P. & Gadiraju, U. et al. (2020). Bias in data-driven artificial intelligence systems – An introductory survey. *Wiley Interdisciplinary Reviews Data Mining and Knowledge Discovery*, 10 (3), e1356. <https://doi.org/10.1002/widm.1356>
24. Owsley, C.S. & Greenwood, K. (2024). Awareness and perception of artificial intelligence operationalized integration in news media industry and society. *AI & Society*, 39, 417–431. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01386-2>
25. Ragnedda, M. & Muschert, G.W. (2013). *The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective*. New York, NY: Routledge.
26. Reyes, C. (2020). Negotiating digital marginalization: Immigrants, computers, and the adult learning classroom. *Atlantic journal of communication*, 30 (1), 1–12. <https://doi.org/10.1080/15456870.2020.1786385>
27. Robinson, L., Cotten, S. R. & Onoc, H., et al. (2015). Digital Inequalities and Why They Matter. *Information, Communication, & Society*, 18 (5), 569–582. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1012532>
28. Sharma, S., Agrawal, S. & Shrivastava, M. (2018). Degree based classification of harmful speech using twitter data. In R. Kumar, A.Kr. Ojha, M. Zampieri, & S. Malmasi (Eds.), *Proceedings of the First Workshop on Trolling, Aggression and Cyberbullying (TRAC-2018)*, (pp. 106–112). Santa Fe (New Mexico, USA): CoLing.
29. Soroka, S., Fournier, P. & Nir, L. (2019). Cross-national evidence of a negativity bias in psychophysiological reactions to news. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116 (38), 18888–18892. <https://doi.org/10.1073/pnas.1908369116>

30. Sunstein, C.R. (2009). *Going to Extremes: How Like Minds Unite and Divide*. Oxford: Oxford University Press.
31. Trip, S., Bora, C.H., Marian, M., Halmajan, A. & Drugas, M.I. (2019). Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization. *Frontiers in Psychology*, 10 (437), 1664–1078. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00437>
32. van Dijk, J. (2020). *The Digital Divide*. Cambridge; Medford: Polity Press.

REFERENCES

1. Acharya, B. (2017). Conceptual evolution of the digital divide: A systematic review of the literature over a period of five years (2010–2015). *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (7), 41–74. <https://elibrary.ru/yrndnod>
2. Demo, P. (2007). Marginalização digital: Digital divide. *Senac Journal of Education and Work*, 33 (2), 5–19.
3. Dobrinskaya, D.E., & Martynenko, T.S. (2019). Perspektivy rossiyskogo informatsionnogo obshchestva: Urovni tsifrovogo razryva [Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels]. *RUDN Journal of Sociology*, 19 (1), 108–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120>, <https://elibrary.ru/vuhagn>
4. Flensburg, S., & Lomborg, S. (2023). Datafication research: Mapping the field for a future agenda. *New Media & Society*, 25 (6), 1451–1469. <https://doi.org/10.1177/14614448211046616>
5. Galpin, C. (2022). At the digital margins? A theoretical examination of social media engagement using intersectional feminism. *Politics and Governance*, 10 (1), 161–171. <https://doi.org/10.17645/pag.v10i1.4801>
6. Imran, A. (2023). Why addressing digital inequality should be a priority. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, 89 (3), e12255. <https://doi.org/10.1002/isd2.12255>
7. Kashpur, V.V., Baryshev, A.A., & Chudinov, S.I. (2021). Rerezentatsiya radikal' nykh soobshchestv v rossiyskikh sotsial' nykh media: Spetsifika kontenta i indeks aktivnosti [Representation of radical communities in Russian social media: Content specifics and activity index]. *Tomsk State University Journal*, (467), 133–143. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/467/17>, <https://elibrary.ru/glyslm>
8. Kostina, N.B., & Chizhov, A.A. (2021). Znachenie klassicheskikh i sovremennykh sotsiologicheskikh kontseptsiy dlya analiza faktorov tsifrovogo neravenstva [The role of classic and modern concepts for the analysis of the digital divide factors].

Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya, (2), 260–269. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-260-269>, <https://elibrary.ru/bdusnz>

9. Kostrikova, N.A., Maitakov, F.G., & Yafasov, A.Ya. (2019). Riski marginalizatsii obshchestva pri perekhode k tsifrovoy ekonomike [The risks of society marginalization in transition to a digital economy]. In N.G. Klochkova (Ed.), *Razvitie teorii i praktiki upravleniya sotsial' nymi i ekonomicheskimi sistemami* [The development of theory and practice of social and economic system management] (pp. 190–194). Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State Technical University. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dgokpb>
10. Krasikov, V.I., & Kudashov, V.I. (2023). Kak algoritmy sotsial' nykh setey i sotsial' no-psikhologicheskie uyazvimosti formiruyut uchastnikov radikal' nykh onlayn-soobshchestv [How social networking algorithms and psychosocial vulnerabilities shape participants in radical online communities]. *Journal of Siberian Federal University—Humanities and Social Sciences*, 16 (12), 2208–2215. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gyevev>
11. Liotta, L.A. (2023). Digitalization and social inclusion: Bridging the digital divide in underprivileged communities. *Global International Journal of Innovative Research*, 1 (1), 7–14. <https://doi.org/10.59613/global.v1i1.2>
12. Lubbers, M. (2022). Social networks and the resilience of marginalized communities. In E. Lazega, T. Snijders, & R. Wittek (Eds.), *A research agenda for social networks and social resilience* (pp. 1–16). Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781803925783>
13. Martynenko, T.S., & Dobrinskaya, D.E. (2021). Sotsial' noe neravenstvo v epokhu iskusstvennogo intellekta: ot tsifrovogo k algoritmicheskomu razryvu [Social inequality in the age of algorithms: From digital to algorithmic divide]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial' nye Peremeny*, (1), 171–192. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807>, <https://elibrary.ru/zmnkky>
14. Norris, P. (2001). *Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
15. Ntoutsis, E., Fafalios, P., Gadiraju, U., Iosifidis, V., Nejdli, W., Vidal, M.-E., Ruggieri, S., Turini, F., Papadopoulos, S., Krasanakis, E., Kompatsiaris, I., Kinder-Kurlanda, K., Wagner, C., Karimi, F., Fernandez, M., Alani, H., Berendt, B., Kruegel, T., Heinze, C., ... Staab, S. (2020). Bias in data-driven artificial intelligence systems—An introductory survey. *Wiley Interdisciplinary Reviews Data Mining and Knowledge Discovery*, 10 (3), e1356. <https://doi.org/10.1002/widm.1356>
16. Owsley, C.S., & Greenwood, K. (2024). Awareness and perception of artificial intelligence operationalized integration in news media industry and society. *AI & Society*, 39, 417–431. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01386-2>
17. Ragnedda, M., & Muschert, G.W. (2013). *The digital divide: The Internet and social inequality in international perspective*. New York, NY: Routledge.

18. Repin, I.S. (2024). Voprosy protivodeystviya ekstremistskim proyavleniyam v seti Internet [On combating extremist manifestations on Internet]. *Zhurnal Pravovykh i Ekonomicheskikh Issledovaniy*, (2), 133–139. (In Russ.) <https://doi.org/10.26163/GIEF.2024.57.81.018>, <https://elibrary.ru/iwfnxe>
19. Reyes, C. (2020). Negotiating digital marginalization: Immigrants, computers, and the adult learning classroom. *Atlantic journal of communication*, 30 (1), 1–12. <https://doi.org/10.1080/15456870.2020.1786385>
20. Robinson, L., Cotten, S.R., Ono, H., Quan-Haase, A., Mesch, G., Chen, W., Schulz, J., Hale, T.M., & Stern, M.J. (2015). Digital inequalities and why they matter. *Information, Communication, & Society*, 18 (5), 569–582. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1012532>
21. Sharma, S., Agrawal, S., & Shrivastava, M. (2018). Degree based classification of harmful speech using twitter data. In R. Kumar, A.Kr. Ojha, M. Zampieri, & S. Malmasi (Eds.), *Proceedings of the first workshop on trolling, aggression and cyberbullying (TRAC-2018)* (pp. 106–112). Santa Fe (New Mexico, USA): CoLing.
22. Soroka, S., Fournier, P., & Nir, L. (2019). Cross-national evidence of a negativity bias in psychophysiological reactions to news. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 116 (38), 18888–18892. <https://doi.org/10.1073/pnas.1908369116>
23. Sunstein, C.R. (2009). *Going to extremes: How like minds unite and divide*. Oxford: Oxford University Press.
24. Trip, S., Bora, C.H., Marian, M., Halmajan, A., & Drugas, M.I. (2019). Psychological mechanisms involved in radicalization and extremism: A Rational emotive behavioral conceptualization. *Frontiers in Psychology*, 10 (437), 1664–1078. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00437>
25. van Dijk, J. (2020). *The digital divide*. Cambridge; Medford: Polity Press.
26. Vartanova, E.L. (2018). Kontseptualizatsiya tsifrovogo neravenstva: Osnovnye etapy [Conceptualization of digital divide: Major stages]. *Medi@lmanac*, (5), 8–12. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.5.2018.812>, <https://www.elibrary.ru/yrndil>
27. Vartanova, E.L., & Gladkova, A.A. (2021). Tsifrovoe neravenstvo, tsifrovoy kapital, tsifrovaya vklyuchennost': Dinamika teoreticheskikh podkhodov i politicheskikh resheniy [Digital divide, digital capital, digital inclusion: Dynamics of theoretical approaches and political decisions]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (1), 3–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.329>, <https://elibrary.ru/lekeml>
28. Volchenko, O.V. (2016). Dinamika tsifrovogo neravenstva v Rossii [Dynamics of digital inequality in Russia]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial' nye Peremeny*, (5), 163–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10>, <https://elibrary.ru/yfosrv>
29. Volodenkov, S.V. (2018). Massovaya kommunikatsiya i obshchestvennoe soznanie v usloviyakh sovremennykh tekhnologicheskikh transformatsiy [Mass communication

and public consciousness in the conditions of contemporary technological transformations]. *Zhurnal Politicheskikh Issledovaniy*, 2 (3), 1–8. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/ylijpox>

30. Volodenkov, S.V., & Artamonova Yu.D. (2020). Informatsionnye kapsuly kak strukturnyy komponent sovremennoy politicheskoy internet-kommunikatsii [Information capsules as a structural component of contemporary political Internet communication]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta—Filosofiya—Sotsiologiya—Politologiya—Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science*, (53), 188–196. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>, <https://www.elibrary.ru/dilhmg>
31. Voronina, N.S. (2021). Tsiifrovoye neravenstvo internet-pol' zovateley v Rossii i Evrope: Gendernyy aspekt [Digital inequality of Internet users in Russia and Europe: Gender aspect]. *Informatsionno-Analiticheskiy Byulleten' Instituta Sotsiologii FNISTS RAN*, (4), 28–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.4.3>, <https://elibrary.ru/vpdvbw>
32. Zotov, V.V., Vasilyeva, I.N., & Krivoukhov, A.A. (2022). Sotsial' no-setevoe vzaimodeystvie v seti Internet: K opredeleniyu fenomena media [Social and network interaction on the Internet: To the definition of the media phenomenon]. *Kommunikologiya*, 10 (4), 13–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-4-13-22>, <https://elibrary.ru/igjglm>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЗОТОВ

доктор социологических наук, кандидат философских наук,
профессор, главный научный сотрудник
Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук,
Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет)
141701, Россия, Московская область,
г. Долгопрудный, Институтский переулок, 9;

ResearcherID: E-6506-2014

ORCID: 0000-0003-1083-1097

e-mail: om_zotova@mail.ru

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ГУБАНОВ

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Учебно-научного
центра гуманитарных и социальных наук,
Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет)
141701, Россия, Московская область,

г. Долгопрудный, Институтский переулок, 9;
старший специалист по работе в социальных сетях
АНО по развитию цифровых проектов
в сфере общественных связей
и коммуникаций «ДИАЛОГ РЕГИОНЫ»
119021, Россия, Москва, ул. Тимура Фрунзе, д. 11, стр. 1

ResearcherID: LNP-8754-2024

ORCID: 0000-0003-4810-6165

e-mail: aleksandrgubanov1@mail.ru

КИРИЛЛ ЭДУАРДОВИЧ ГАВРИЛЬЧЕНКО

младший научный сотрудник Учебно-научного
центра гуманитарных и социальных наук,
Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет)
141701, Россия, Московская область,
г. Долгопрудный, Институтский переулок, 9;
аспирант кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
308015, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

ResearcherID: HZI-2049-2023

ORCID: 0009-0003-4424-2423

e-mail: gavril4e@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

VITALY V. ZOTOV

Dr. Sci. (Sociology), Cand. Sci. (Philosophy),
Professor, Chief Research Fellow at the Humanities & Social
Sciences Center, MIPT University,
9, Insitutsky pereulok, 141701 Dolgoprudny, Moscow Oblast, Russia;

ResearcherID: E-6506-2014

ORCID: 0000-0003-1083-1097

e-mail: om_zotova@mail.ru

ALEXANDER V. GUBANOV

Cand. Sci. (Sociology),
Senior Research Fellow at the Humanities & Social Sciences Center,
MIPT University,
9, Insitutsky pereulok, 141701 Dolgoprudny, Moscow Oblast, Russia;
Senior Social Media Specialist,
Autonomous Non-Commercial Organization for the development of
digital projects in the field of public relations and communications
Dialog Regions,

11/1, Timura Frunze, Moscow 119021, Russia

ResearcherID: LNP-8754-2024

ORCID: 0000-0003-4810-6165

e-mail: aleksandrgubanov1@mail.ru

KIRILL E. GAVRILCHENKO

Junior Research Fellow at the Humanities & Social Sciences Center,
MIPT University,
9, Insitutsky pereulok, 141701 Dolgoprudny, Moscow Oblast, Russia;
Postgraduate student in Social Technologies and Public Service,
Belgorod State University,
85, Pobedy, Belgorod 308015, Belgorod Oblast, Russia

ResearcherID: HZI-2049-2023

ORCID: 0009-0003-4424-2423

e-mail: gavrila4e@yandex.ru

АВТОРСКИЙ ВКЛАД

Зотов В.В. — теоретическая рамка, составление литературного обзора, выбор методологии и методов исследования, подготовка финальной рукописи.

Губанов А.В. — выбор методов исследования, проведение социальной диагностики Интернет-ресурсов в социальной сети «ВКонтакте» с последующим контент-анализом и разбором аудитории пользователей.

Гаврильченко К.Э. — обзор литературы по проблематике цифровой маргинализации.

Все авторы приняли участие в обсуждении финального варианта рукописи.

AUTHORS' CONTRIBUTIONS

Vitaly Zotov provided the theoretical framework, selected the methodology and research methods, and participated in the preparation of the final manuscript.

Alexander Gubanov carried out the selection of research methods, social diagnostics of Internet resources in VK social network, and conducted content analysis and user audience analysis.

Kirill Gavrilchenko reviewed publications on digital marginalization.

All authors participated in discussions and contributed to the final version of the manuscript.